

ЯЗЫК И СОЗНАНИЕ

Составляющие образа мира: современные русские и китайцы

© доктор филологических наук Ю. А. Сорокин,
кандидат филологических наук Цзян Ямин (КНР), 2000

С точки зрения этнопсихолингвистики культура рассматривается как форма ментальных и нементальных поступков, связанных с определенным этническим сообществом. В нем существуют специфически структурированные стереотипы, или, иначе говоря, единицы ментально-лингвального комплекса, реализующиеся в стандартных ситуациях общения / деятельности и являющиеся по сути дела маркированными локальными ситуациями. Иными словами, стереотипы — это или речевые клише, или невербализованные штампы сознания [Прохоров, 1996: 100]. Опираясь на эти соображения, будем считать, что этническое сознание есть совокупность таких маркированных локальных ассоциаций, изучение которых помогает вскрыть особенности образа мира, характерного для представителей того или иного лингвокультурального сообщества.

Общеизвестно, что с одним и тем же объектом увязывается в различных этносах разное содержание, формируемое нетождественностью вербального и невербального опыта и фиксируемое языками, “живущими” в несовпадающих типологических координатах. И жизнь в таких координатах скорее правило, чем исключение.

В последние годы в России для изучения такого рода несовпадений широко используется ассоциативный эксперимент, в ходе которого от информантов получают целенаправленные или свободные ответы — реакции на предложенные стимулы.

Понятие ассоциации можно рассматривать как в широком, так и в узком значении этого слова. В широком смысле это не что иное, как минимизированное представление об окружающем мире и оценка этого мира (или его фрагмента) человеком, в узком смысле — это связь между отдельными лексемами (клишированными дейксисами).

По мнению Н. В. Уфимцевой, в центре образа мира современных русских находится человек, с которым совмещены такие ценности-понятия, как *дом, жизнь, друг, деньги, радость, дело, день, лес, любовь, работа, стол, дорога, разговор*. Для русских наиболее значимы сле-

дующие качества: *большой, хороший, плохой, старый*. Они предпочитают также использовать, прежде всего, оценки *хорошо, плохо, много, быстро, далеко*. Для русских типично *думать, говорить, жить, идти, сделать* [Уфимцева, 1996: 145, 146-159]. Помимо этого, русский человек — “это человек родовой. Он хороший... добрый... разумный... умный... мудрый... Он гордый... красивый... смелый... надежный... сердечный... хотя может быть плохим... странным... трудным... и упрямым... Это человек дела... слова... долга... труда... чести... хотя последние три понятия в русском языковом сознании слабо связаны с понятием “человека”. Актуальной в сознании является связь таких понятий, как человек — зверь... животное... обезьяна... с одной стороны, и человек — друг... брат... товарищ... хотя последний ряд и менее актуален. Достаточно редко человек воспринимается русскими как гражданин... и личность... И, наконец, человек — это мужчина и очень редко женщина... Присущая русскому менталитету своеобразная планетарность мышления выражается в том, что человек соотносится с такими понятиями, как земля... космос... вселенная... И лишь однажды человек соотносится с Богом... Человеком можно быть... стать... остаться... и родиться... и человеку надо дать... жить... помочь... и сказать” [Уфимцева, 1996: 145]¹.

Эти утверждения важны не только для расширения рефлексивного поля носителей русского языка, но и для тех, кто изучает русский язык (и русскую культуру) как некоторое инобытие, поскольку фиксируют внимание на такой с м ы с л о ф о р м е, которая свидетельствует о сингулярности русской аксиологии.

Является ли столь же специфической и китайская смыслоформа? Есть ли различия между ней и русской?

Пытаясь получить ответы на эти вопросы, мы опросили студентов одного из китайских университетов (всего 66 человек в возрасте от 18 до 24 лет), а также преподавателей этого университета (всего 20 человек в возрасте от 30 до 60 лет), прося указать на 1) самые важные, по их мнению, составляющие китайского образа мира и 2) перечислить “поступки”, наиболее поощряемые в рамках этого образа.

Ответы наших испытуемых значительно отличаются от ответов русских. Типичными фрагментами китайского образа мира оказались *семья, работа, дружба (друг), здоровье и хобби*, а типичными / поощряемыми поступками в нем — *учиться, жить, работать, наслаждаться (играть) и думать*.

В отличие от русских, у которых в центре образа мира находится человек, у большинства опрошенных китайцев центром образа мира является *семья*. Она должна быть *счастливой, прочной, приятной, весе-*

¹ Критику этих утверждений см. в [Dorodnych, 1999].

лой. Семья — это дом, мать и отец, муж и жена, дети, а также вкусная еда, отдых и обязанности. Семью следует любить и беречь. В ней можно жить, отдыхать, веселиться и плакать.

Вторым важным компонентом китайского образа мира является работа, т. е. дело, профессия, средство выживания. Она может быть разной: престижной, хорошей, легкой, тяжелой и трудной. Цель работы — жить, получать деньги, образование, приобрести машину, купить дом. Интерес к работе — маловажен.

Третьим компонентом является здоровье, которое рассматривается в качестве капитала человеческой жизни. Чтобы иметь хорошее здоровье, следует быть “экологом”, заниматься спортом, разумно питаться и всегда быть в хорошем настроении.

Четвертый компонент — хобби — также не является периферийным. Хобби — это что-то интересное, увлекательное и доставляющее людям удовольствие, это путешествия, коллекционирование, чтение, спорт, музыка, красивая одежда.

Если русские предпочитают думать, то большинство опрошенных китайцев признает, что самое главное для них — учиться и прежде всего — получить образование.

Учиться — это значит получать новые знания, уметь пользоваться компьютером, уметь водить машину, знать иностранный язык (особенно английский). Учиться надо хорошо, быстро, старательно, усердно для того, чтобы жить хорошо, найти хорошую работу, побольше зарабатывать денег, улучшить свою жизнь и совершенствовать себя.

Таким образом, мы можем, по-видимому, сделать следующий вывод: китайская смыслоформа сингулярна в той же мере, что и русская. Главное различие между ними заключается в характере аранжирования “центра внимания”: у русских в этом центре находится человек, у китайцев — семья. Формирование такой установки неслучайно: в Китае все виды и формы общения строились на основе конфуцианских постулатов, подчеркивавших, что почтительность к родителям предопределяет стабильность общества (и семейной ячейки как его части) (см. в связи с этим [Васильев, 1979]). И эта установка сохраняется до сих пор. Но она, естественно, размывается. Современные китайцы стали больше заботиться о себе, своей личной жизни и реализации своих планов. В этом отношении взгляды русских и китайцев сходны. У тех и у других одинаковое отношение и к работе: она — средство выживания и способ сделать карьеру. Короче говоря, если раньше китайцев беспокоило, как наесться досыта, то сейчас — как поесть вкусно².

² О русских это вряд ли можно сказать.

Если русские юноши и девушки больше *думают*, то китайские — больше *слушают* и *делают*, считая, что самим думать не нужно, так как все продумано и спланировано их родителями. Правда, и они внушают своим детям, что думать, конечно, надо, но все-таки в ограниченно-разрешенных рамках.

Русские (но не китайцы) стремятся к жизни идеальной в духовном и материальном отношении. И в то же время стараются быть логичными и рациональными (китайский традиционализм несовместим с этими качествами), свидетельствуя, тем самым, что они живут в промежуточном мире — между Востоком и Западом.

Л и т е р а т у р а

1. *Васильев Л. С.* Некоторые особенности системы мышления, поведения и психологии в традиционном Китае // Китай: традиции и современность. М., 1979. С. 52-62.
2. *Прохоров Ю. Е.* Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. М., 1996.
3. *Уфимцева Н. В.* Русские: опыт еще одного самопознания // Этно-культурная специфика языкового сознания. М., 1996. С. 139-162.
4. *Dorodnych A.* National Mentality Through Language: Uncertain Ground // Slupskie Prace Humanistyczne, "Neofilologia", Slupsk, 18a, 1999. Pp. 65-71.